Автор: admin
08.10.2011 22:56 - Обновлено 04.11.2014 10:52

Ты уйдешь от меня, мой сын, или Как отпустить ребенка во взрослую жизнь?

«Как наши дети подросли.
Вот верный счетчик нашим общим временам...
Уйдут, как в море корабли,
И торопливый поцелуй оставят нам...»
Ю.Визбор

Может быть, самое трудное на свете – это научиться отпускать. Отпускать вину обидевшему тебя, отпускать ситуацию, когда ничего изменить в ней не удается, отпускать, вернее, выпускать из души сожаление о недостигнутом.

Трудно отпустить человека, когда отношения изжили себя. И очень трудна мысль о том, что когда-то придется отпустить в самостоятельную жизнь выросшего ребенка. Особенно – сына. Мужчине труднее в самостоятельном плавании, он, как правило, рулевой, несущий ответственность не только за себя.

Помню, когда наши сыновья были совсем маленькие, знакомая сказала мне: «Я уже заранее терпеть не могу свою будущую невестку. Пусть она сейчас еще в колыбели. Ведь мне придется отдать ей своего сыночка, отпустить его от себя. Я уже все продумала – когда он женится, кем он станет, где будет учиться».

У меня такой мысли не возникало, но тогда-то я решила, что ко всему буду готовить себя заранее. И попробую заранее приучить себя к мысли, что придется отпустить, отдать. Попробую уважать выбор своего ребенка в разных жизненных ситуациях, будь то профессия, хобби, друзья или будущая девушка. Попытаюсь не реализовывать в сыне собственные амбиции. Тогда и отпустить будет легче. Прийти к такому решению, особенно, когда сын – единственный, было чрезвычайно трудно, а реализовать – и того труднее.

Мы избрали для этого **тактику постепенности**. Давали понять, что вот они – мы, всегда рядом с тобой, готовы поддержать твои начинания, но решать, конечно, будешь ты сам. И ответственность за решение будешь нести сам. Ребенка кидало из одной стороны в

другую, «в набежавшую волну», и нас поражала амплитуда его интересов. Некоторые продержались несколько лет, некоторые угасли через несколько месяцев. Что-то, например, военная история, осталось постоянным хобби. Все это, от оригами и хокку до русского рока, причудливо переплеталось и могло существовать одновременно, часто отвлекая его от школьных занятий.

Динозавры, средневековье, графика тушью, рыцарские ордена, секция борьбы, гитара, сочинение стихов, Гумилев, переселение народов, школа Юного Филолога, запойное чтение, клуб авторской песни, переводы с немецкого – жуткий этот винегрет пугал меня, и хотелось волевым образом направить неуемную энергию в какое-то традиционное, продуктивное и полезное для жизни русло. Но я вспоминала о данном себе слове – отпускать в жизнь постепенно – и договаривалась с собой, понемногу ослабляя вожжи, давая возможность ему искать себя. Иногда возникало ощущение, что «он, мятежный, просит бури», настолько неожиданными были подростковые тестостероновые всплески при традиционной, пусть и нечастой, родительской критике.

Мы поощряли желание подработать, всех друзей-приятелей просили приводить к нам домой, и пару лет у нас дома был подростковый клуб с песнями и бурными дискуссиями о смысле бытия, к которым иногда присоединялись и мы с мужем, чувствуя себя такими же подростками, благо, сын у нас очень ранний, рожденный в студенческие годы. Сын же на равных участвовал в беседах с нашими друзьями. Как-то бабушка моя сказала: «Дети воспитываются в кругу друзей своих родителей». Это очень верно.

Иногда у меня случались «регрессии», и я пыталась хоть ненадолго, но проконтролировать его жизнь, пристегнуть мальчика «большущей английской булавкой» к своей юбке. Никаких положительных результатов это не давало, а вот ссоры порой возникали. Тогда-то я поняла, что самое непродуктивное – это недоверие, попытки диктата (пусть и слабые) и грубый прямой запрет. Труднее же всего оказалось удержаться на «демократической» грани, не скатившись в поддакивание и растворение в ребенке.

Вскоре к списку хобби прибавились скалолазание и альпинизм, что покоя родителям, разумеется, не принесло. Плюс – гимназия, абитур, теперь уже в другой стране. Решение уйти в гуманитарную, филологическую область. Подработки переводами. Потом – любовь, роман... Девушка была нам представлена, спокойно и доброжелательно нами принята, и оказалась, по словам сына, очень похожей на... меня.

«Она дико похожа на тебя, мам. Она даже, когда читает, сидит как ты – одну ногу подогнув под себя», – сказал мне мой мальчик. Мы же, признаться, особого сходства не заметили. Да это и неважно. Они иногда ссорятся и сразу мирятся (называется «принципиально расходиться во мнениях») – и это нормально. Собираются через некоторое время попробовать жить вместе. На наш взгляд, рановато. Свою точку зрения мы ненавязчиво высказали, но решать будет сам сын. Помощь оказывается **только** по просьбе. (Труднее всего оказалось приучить к этой мысли бабушку и дедушку). И, должна сказать, благодарность именно за такую, а не навязанную, помощь, искренняя и неподдельная.

Тактика поощрения и принятия интересов ребенка и постепенного отпускания его в самостоятельную жизнь, как бы трудна она ни была, похоже, оправдывает себя. Правда, при условии наличия этих самых положительных интересов... Во всяком случае, я вижу, что наш сын – личность, мужчина, пусть и юный, но вполне приспособленный к жизни, лепящий и создающий себя сам. А это, наверное, цель многих родителей и воспитателей.

Автор - **Маша Романофф**
Источник